

Вера и симптом

ОЛЕКСАНДР ЧЕРНОГЛАЗОВ

6 БЕРЕЗНЯ 2019

Семинар, посвященный переносу, Лакан заканчивает на очень драматической для самого аналитика ноте. «С кем бы вы ни имели дело, – говорит он, – вы можете на опыте постараться понять, до какой точки вы способны, вопрошая это существо, дойти – рискуя при этом сами исчезнуть».



Constantinos Chaidalis

Причем именно в этой готовности идти до конца он видит, как явствует из предыдущего параграфа, исполнение христианской заповеди: возлюби ближнего как самого себя.

И еще выше Лакан говорит, что «функция аналитика» предполагает определенную «работу скорби» – работу именно с его стороны.

Иными словами, аналитик предстает здесь как человек, готовый поставить над самим собой эксперимент, несущий опасность для его жизни. Поэтому эксперимент этот является подвигом – и притом подвигом любви.

Это неожиданное перенесение рядовой, повседневной психоаналитической практики в христианский контекст и наделения его пафосом любви, подвига и жертвенной смерти представляется парадоксальным, и ключом к этому парадоксу является, конечно, пресловутая *un certain deuil* – «определенная работа скорби».

Моделью аналитика служит в Семинаре фигура Сократа из платонового «Пира». Его желание – это желание аналитика в чистом виде, как человека, который знает, что в нем нет и не может быть ничего желанного, что он не является носителем идеала. «На уровне маленького а, – пишет Лакан, – вопрос о доступе к какому бы то ни было идеалу никогда не стоит. Этот островок, это поле бытия любовь может разве что очертить, обособить. И аналитик не может не понимать, что какой угодно объект способен наполнить его собой. Мы, аналитики, как раз и обречены застыть в нерешительности на этом пороге, где с любым объектом, однажды вошедшим в поле желания, встает для нас неизменный вопрос: кто ты? Нет объекта, который был бы ценнее любого другого – вот та печаль, та скорбь, вокруг которой желание аналитика строится».

И далее в диалоге Сократ «помогает» Алкивиаду, «переводя стрелки» его любви на Агафона, этого «глупца из глупцов, глупейшего, единственного полного глупца в собрании пирующих», которому, однако, «доверено в диалоге высказать, пусть и в нелепой форме, самые истинные слова о любви». Именно он и оказывается, в конечном счете, объектом этой любви. «Все, что ты говоришь мне, ты говоришь для него» – говорит Алкивиаду Сократ.

«В этом и состоит, – заключает Лакан, – функция аналитика, а с ней и толика скорби, что приходится на его долю».

Иными словами, Сократ отказывается занять то место, которое стремимся в жизни занять мы все – место желанного. Сама суть наша – в этом Лакан всегда следовал Гегелю в интерпретации Кожева – состоит в том, чтобы получить от Другого признание, чтобы быть для него желанным. Ради этого признания и желания мы как раз и вступаем с другими людьми в соперничество. Отказываясь занять это место в желании другого, признавая, что кто-то иной может занять его по тому же праву, Сократ совершает нечто более великое, чем готовность

испить предназначенную ему чашу с цикутой – он отказывается от самой сути своей, своей уникальности. Он отказывается от борьбы за желание Другого, рискуя из этого поля желания выпасть, пропасть бесследно – это и есть исчезновение, которого страшится человек больше смерти, о риске которого для аналитика как раз и говорит Лакан в завершающей Семинар фразе.

Именно этот подвиг, этот риск полной утраты себя и позволяет Лакану увидеть в нем реализацию христианской заповеди о любви к ближнему.

Единственной точкой опоры, позволяющей отказаться от собственной идентичности, не похоронив себя при этом заживо в гробнице симптома, оказывается вера.

Однако важно помнить (это одна из основных тем Семинара), что поведение Сократа продиктовано его желанием, которое Лакан называет пресловутым «желанием аналитика» и, в отличие от Кожева, определяет как чистую форму желания вообще. Желательный в принципе не видит себя желанным. А поскольку такое желание совпадает для него, как мы видели, с парадигмой христианской заповеди, именно эта последняя и полагается в основу человеческой этики.

Не случайно к теме самоотречения Лакан обращается в Семинаре еще раз, и вновь в откровенно христианском контексте – при анализе трагедии Клоделя «Заложник». Действие пьесы происходит во время французской революции. Героиня пьесы, Синь де Куфонтен, католичка и представительница древнего дворянского рода, пытается уберечь свою семью и сохранить принадлежащие ей земли, с которыми она ощущает своего рода мистическую связь. Но чтобы спасти Папу, чья жизнь, а с ней и само существование Римской Церкви, оказалось в опасности, по настоянию своего духовника она вынуждена выйти замуж за проходимца и негодяя, стремящегося присвоить себе ее родовое имя. Связав себя узами брака, она, будучи католичкой, связывает себя также узами любви и верности. Иными словами, ей приходится отречься не только от имущества, или жизни, как это сделала в античной трагедии Антигона, обладавшая другой символической точкой опоры – чертой родовой идентичности, которая делала ее неуязвимой: боги, хранители символического порядка, оставались на ее стороне. Теперь, когда Бог умер, сам порядок этот, в лице Его заместника, оказался заложником зла, и для его спасения Синь предстоит пожертвовать

самой своей идентичностью, своим именем – тем единственным, на что Антигона еще могла опереться. Ее подвиг состоит в отречении от всего, с чем она себя отождествляет: ей предстоит исчезнуть не просто из жизни, а из символического порядка, где место героини займет ее нынешний муж.

«Синь, поскольку она верит, веру свою должна засвидетельствовать, - пишет Лакан. – Именно поэтому она и оказывается пленницей ситуации, которую довольно придумать, чтобы она стала действительностью: жертва, которую должна принести героиня, состоит в отречении от того, во что она верит. Синь становится заложницей самого отрицания, выстраданного ею – отрицания всего лучшего, что в ней есть. Нам предстает здесь нечто более страшное, чем несчастье Иова и его покорность. Если на Иова возлагается бремя незаслуженного несчастья, то героине современной трагедии предстоит принять внушающую ей ужас несправедливость как наслаждение.

Именно такова участь словесного существа, которое становится носителем Слова в момент, когда от него требуется стать его, этого Слова, гарантом».

Финалов у пьесы два, и оба они довольно двусмысленны. В конечном итоге умирающая Синь делает жест, который означает «нет». Иными словами, Синь, согласно Лакану, не может пойти на окончательное отречение – это выше человеческих сил: жест «нет» торжествует над ее верой, становится последней насмешкой над ней. Но жест этот, возможно, произволен – в этом случае он исключен из ее личности, он сосуществует с ней. Ценой ее отречения, ее подвига становится образование симптома, который и оказывается последним убежищем Синь, последним хранителем ее подлинной идентичности.

Работа скорби получает здесь, таким образом, особый характер. Работа скорби об утраченном объекте, который всегда имеет конкретный облик, хорошо описана. «Но что происходит, когда объект этот оказывается маленьким а, объектом желания?» – спрашивает Лакан. Объектом невидимым, которым как раз и обусловлено существование симптома – того единственного, что дает нам доступ к нему. Иными словами, речь идет об отказе от симптома, от последней опоры утраченной идентичности. И в случае Синь – в ситуации, которую Лакан именует современной, то есть не античной, а христианской трагедией – единственной точкой опоры, позволяющей отказаться от собственной идентичности, не похоронив себя при этом заживо в гробнице симптома, оказывается вера, к которой призывает героиню ее духовник. Финал пьесы Клоделя неясен, и спекулировать на этот счет мы не станем. Дело не в судьбе персонажа пьесы, а в той альтернативе, которая нам так зримо в ней явлена – альтернативе между жизнью в вере и погребением в симптоме: тому, кто, подобно Синь, берет на себя ответственность за ставшее заложником Слово, третьего пути не дано.

ОЛЕКСАНДР ЧЕРНОГЛАЗОВ

6 БЕРЕЗНЯ 2019

Warning: count(): Parameter must be an array or an object that implements Countable in
/home/kairosbo/verbum.com.ua/www/wp-includes/post-template.php on line **284**